

ЛИТЕРАТУРА НА ДВУХ ЯЗЫКАХ * LITERATUR IN ZWEI SPRACHEN

JOSEPH CHRISTIAN FREIHERR
VON ZEDLITZ
Иосиф Христиан ЦЕДЛИЦ

Das Geisterschiff
Воздушный корабль
(перевод Михаила Лермонтова)

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

Es rauschen die Winde, die Nebel ziehn,
Der Himmel ist sternenleer;
Hoch über den schäumenden Wogen hin
Durchschwebt ein Segel das Meer:
Das Schiff ist, gesteuert von Geisterhand,
In unaufhaltsamem Lauf,
Ihm schadet kein Sturm, kein Klippenstrand,
Kein Lebender weilet drauf!

Weit über der See, wo die Welle schweigt,
Ein Eiland verborgen liegt:
Ein einsamer Fels zum Himmel steigt,
Die Wolke sein Haupt umfliegt.
Dort blühet kein Halm, dort grünnet kein Baum,
Kein Vogel sein Nest dort baut;
Nur der Adler allein aus der Lüfte Raum
Die starrende Oede beschaut.

Dort ist des Königs einsames Grab,
In der Wüste, uneingehägt;
Nur sein Degen, sein Hut, sein goldener Stab
Sind über den Sarg gelegt.
Kein Wesen lebt rings, und die Woge der Welt
Schlägt nicht an sein müdes Ohr,
Kein Blick auf die traurige Ruhstatt fällt,
Und doch war er König zuvor! –

Und es wechselt der Mond und das Jahr verrinnt,
Und der Todte liegt unbewegt;
Wenn die fünfte Nacht des Maien beginnt,
Nur dann sich der Leichnam regt:
Dieß ist die Nacht, wo der Welt entschwebt
Sein ruhebedürftiger Geist,
Dieß ist die Nacht, wo die Leiche belebt
Ersteht, und auf Erden kreis't.

Dann harret ein Schiff am einsamen Strand:
Vom Winde die Segel geschwellt,
Hoch wehet vom Mast der Flagge Band,
Goldne Bienen im weißen Feld!
Und der König besteigt's, es flieget dahin,
Wie ein Vogel in stürmender Hast;
Kein Ruder bewegt sich, kein Schiffer ist drin,
Der lenkend das Steuer gefaßt! –

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

Des Königs Schemen allein nur steht,
Und spähet hinaus in die Nacht,
Und sein Busen fliegt, und sein Athem weht,
Und das Feuer des Blicks ist erwacht.
Das Schiff legt an am bekannten Strand,
Und er streckt seine Arme entzückt,
Es jauchzt seine Seele: es ist sein Land,
Sein Land ist's, das er erblickt!

Und er steigt aus dem Schiff; auf der Erd' er steht,
Die einst seinen Fußtritt gekannt,
Und es bebt ihr Schooß, wo er wandeln geht,
Der Stern, der nun ausgebrannt. –
Er sucht seine Städte und findet sie nicht;
Er suchet die Völker umher,
Die, als er gewandelt im Sonnenlicht,
Ihn umwogt wie ein fluthendes Meer!

Und er sucht seinen Thron, und er ist zerschellt,
Den er hoch in die Wolken gebaut,
Von dem er zu seinen Füßen die Welt,
Eine dienstbare Scholle, geschaut!
Er sucht das Kind, seinem Herzen so lieb,
Dem das Reich er zum Erbe verhieß; –
Das Erb' ist verschwunden, dem Kinde blieb
Selbst der Name nicht, den er ihm ließ! –

»Wo bist Du,« – so ruft er, »o Kind, das schon
In der Wiege mit Kronen gespielt?
Die Tage des Glücks, sie sind entflohn,
Als im Vaterarm ich Dich hielt!
Meiner Liebe Weib, meines Herzens Sohn! –
Dahin mein ganzes Geschlecht!
Der Knecht war, sitzt auf des Königs Thron
Und der König ist wieder Knecht!« –

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature appears to be 'Heinrich Heine'.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов громко зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По берегу тихому ходит
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

1840

Воздушный корабль

Печатается по «Стихотворениям» 1840 г., стр. 103-107 (с датой — «1840»).

Впервые — «Отеч. записки», 1840, т. X, № 5, стр. 1-3.

Автограф не найден.

Увлечение Наполеоном, характерное для русской поэзии 20-х и 30-х годов, сказывается у Лермонтова с первых лет его творчества. Тема Наполеона дана в стихотворениях: «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой...») (1829), «Наполеон (Дума)» (1830), «Эпитафия Наполеона» (1830), «Не говори: одним высоким...» (1830), «Святая Елена» (1831), «Последнее новоселье» (1840). Оба юношеские стихотворения, озаглавленные «Наполеон», построены на появлении тени Наполеона у его могилы на острове св. Елены. Эти ранние стихотворения показывают, что тема «Воздушного корабля», найденная у Цедлица, намечалась уже в юношеских опытах Лермонтова.

«Воздушный корабль» — подражание балладе Цедлица «Das Geisterschiff», Лермонтов сильно расходится с Цедлицом в последних восьми строфах своего стихотворения, но и первые 10 строф, сохраняющие, в общем, близость к оригиналу, далеки от того, чтобы быть переводом, так как каждый из образов Цедлица (несущийся по морю безлюдный корабль, остров, могила, явление императора, его отъезд на корабле во Францию) Лермонтов разрабатывает самостоятельно, свободно комбинируя строфы оригинала и сильно сжимая описания.

Th. Fröberg («Lermontow als Übersetzer deutscher Gedichte», — «Berichte der St. Katharinen Schule», SPB, стр. 53) заметил, что оба стихотворения имеют то же число стихов (72), но это, несомненно, случайное совпадение, так как первые 40 стихов Лермонтова соответствуют 60 стихам Цедлица, а дальше параллелизм совершенно нарушен. Большой сжатости Лермонтовского стихотворения соответствует более короткая строфа — четырехстрочная вместо восьмистрочной Цедлица.

Особенно сильно расхождение Лермонтова с Цедлицом во второй части стихотворения. У Цедлица император сходит с корабля, но не *зовет* своих маршалов, солдат и сына, как у Лермонтова, а *ищет* свои города и не находит их, ищет народы, подвластные его империи, ищет свой разрушенный трон, ищет сына, но сыну «не оставили даже имени, которое он ему дал». Стихотворение кончается большой тирадой Наполеона. Возвращения у Цедлица нет.

По словам немецкого исследователя «Das Geisterschiff» Цедлица «представляет чистейший тип жуткой романтики приведенный» (Д. Holzhausen, «Napoleons Tod im Spiegel der zeitgenössischen Presse und Dichtung», Fr. a. I., 1902, стр. 87). Лермонтов отходит от традиции «кладбищенской баллады». В балладе Цедлица действует труп, оживающий раз в год; у Лермонтова — скорее тень, образ Наполеона, чем его труп. (Ср. в юношеском стихотворении «Наполеон».) В этом Лермонтов следует Жуковскому, который в своем переводе «Ночного смотра» Цедлица (1836) опустил все «трупные» детали, вроде «рук без мяса» у барабанщика, и выпустил строфу, где «белые черепа скалят зубы из-под шлемов, костлявые руки поднимают вверх длинные мечи».

Стихотворение Лермонтова гораздо менее «призрачно», чем «Geisterschiff». Там кораблем управляют призраки, у Лермонтова на корабле никого нет, — он идет как бы сам собой. Самый корабль у Лермонтова описан гораздо более реальным и материальным: этот военный корабль с *чугунными* пушками даже не вяжется с навеянным немецким оригиналом заглавием «Воздушный корабль».

В комментарии к академическому изданию Лермонтова (т. II, стр. 486) сказано, что «Воздушный корабль» «представляет свободное подражание балладам Цедлица «Die nächtliche Heerschau» и «Das Geisterschiff». Относительно первой баллады это неверно. Самое большее,

что можно допустить, — это ее влияние на одну строфу «Воздушного корабля», да и то скорее не самой баллады, а перевода Жуковского. Именно, 12-я строфа стихотворения Лермонтова, не имеющая никаких аналогий в «Geisterschiff», близка к следующим стихам «Ночного смотра»:

Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины.

Интересно, что появление «Воздушного корабля» в печати в майской книжке «Отеч. записок» 1840 г. совпало с постановлением французского правительства о перенесении праха Наполеона с острова св. Елены в Париж (решение короля было объявлено в палате депутатов 12 мая нов. ст. 1840 г.). Возможно, что известия о готовящемся решении в свое время дошли в Россию, и Лермонтов написал «Воздушный корабль» под впечатлением этих слухов (ср. «Последнее новоселье», написанное уже после перенесения).

Лермонтов М. Ю. Воздушный корабль: (Из Цедлица) («По синим волнам океана...») // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. — М.; Л.: Academia, 1935-1937. Т. 2. Стихотворения, 1836-1841. — 1936. — Комментарии: стр. 217-219.